

Елфимова Ольга Станиславовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры таможенного дела
Тюменского государственного университета
dom-hors@mail.ru

**НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ
И БЕЗОПАСНОСТЬ
В ВЕКТОРЕ ДВИЖЕНИЯ
К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ**

Аннотация:

В статье рассматривается взаимосвязь науки и образования с проблемой обеспечения безопасности общества, при этом цель национальной безопасности связывается с движением к обществу знаний. Приведенные данные о современном состоянии научно-образовательного комплекса России демонстрируют наличие существенных проблем и угроз, оказывающих влияние на все сферы жизни общества и его безопасность.

Ключевые слова:

национальная безопасность, общество знаний, наука, образование, интеллектуальный потенциал.

Elfimova Olga Stanislavovna

PhD in Social Science,
Assistant Professor of the Customs Affairs Department,
Tyumen State University
dom-hors@mail.ru

**SCIENCE, EDUCATION AND SECURITY
IN THE VECTOR OF
MOVEMENT TOWARDS
THE KNOWLEDGE SOCIETY**

Summary:

The article examines correlation between science and education in the context of society safety providing; therewith objective of the national security is combined with ambition for the knowledge society. The given data on the current state of the academic and educational complex of Russia expose substantial problems and threats, influencing all the social spheres and the society safety.

Keywords:

national security, knowledge society, science, education, intellectual potential.

В процессе развития общества человечество сталкивается с огромным количеством проблем, угроз и вызовов. В связи с этим стремление к безопасности, самосохранению, защищенности от различных опасностей и угроз испокон веков является и будет являться главным стержневым мотивом жизнедеятельности личности, общества и государства. Современность еще более актуализирует проблемы безопасности человека, общества и цивилизации в целом, поскольку количество и масштабы различного рода угроз и вызовов увеличиваются, многие из которых имеют глобальное проявление.

В трудах Э. Гидденса, У. Бека, Н. Лумана, П. Штомпки и других западных социологов раскрываются аналитические конструкты социального знания, важные для определения основных черт современности, а именно, такие однопорядковые явления, как доверие, риск, опасность, неопределенность, безопасность. Польский социолог П. Штомпка указывал на то, что «современная социология полагает новые формы доверия и недоверия, риска и безопасности в ходе глобализации главным признаком нашей эпохи» [1, с. 596–599]. Отечественные социологи и философы, такие как В.Н. Кузнецов, Р.Г. Яновский, О.Н. Яницкий, Д. Данкин, А. Жбанков и другие, также исследуют в своих работах корреляции доверия, риска, неопределенности и т.д. с императивом безопасности.

В современной научной литературе представлено множество различных концептуальных подходов к осмыслению понятия безопасности в современных условиях. Однако следует отметить, что, несмотря на не прекращающийся интерес исследователей к данному феномену социальной жизни, продолжают сохраняться проблемы теоретико-методологического и практического характера. Все это заставляет направить усилия исследователей на дальнейшее осмысление и уточнение сущности феномена безопасности, а где-то даже, и на принципиальный пересмотр категориального аппарата и методологической базы.

Количество определений категорий «безопасность» и «национальная безопасность» стремится к бесконечности. С теоретической, познавательной точек зрения все современные определения и характеристики принципиально не противоречат друг другу, а дополняют и развивают, конкретизируют и углубляют представления о безопасности как о социальном явлении. В то же время, по мнению Г.А. Атаманова, отсутствие общепринятого понятия приводит к полисемии и непониманию представителями различных направлений исследования феномена безопасности друг друга [2, с. 324].

Учитывая содержание альтернативных пониманий безопасности и ее базовых элементов, возможным представляется их объединение и классификация. Считается, что первая и наиболее

лее полная классификация понятийного аппарата безопасности была предложена С.З. Павленко, который свел существующие определения в пять групп: безопасность как состояние защищенности; безопасность как отсутствие опасности; безопасность как свойство (атрибут) системы; безопасность как специфическая деятельность; безопасность как определенное состояние [3, с. 94–99]. Не останавливаясь на подробном анализе существующих определений, поскольку каждая группа определений имеет как доводы «за», так и «против», отметим самый главный недостаток, связанный с так называемой «защитной» трактовкой безопасности.

Понимание безопасности как состояние защищенности имеет наибольшее распространение в отечественной общенаучной мысли и в политической практике. В основных нормативно-правовых актах, принятых в середине 90-х – начале 2000-х гг. (Закон РФ «О безопасности» (1992), Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» (1995), «Государственная стратегия экономической безопасности» (1996), «Доктрина информационной безопасности» (2000)) закреплено понимание безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Многие исследователи феномена безопасности (например, В.В. Серебрянников, А.А. Прохожев, М.Ю. Зеленко, Г.Г. Газимагомедов и С.В. Рац, Г.А. Атаманов и другие) признают, что понятие «защищенность» «сужает смысл безопасности». По мнению М.Х. Шраги, содержание безопасности нельзя сужать до защиты и защищенности, так как «его цель – социальное развитие общества, создание наилучших условий для жизнедеятельности человека» [4, с. 93].

С принятием в 2009 г. «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.», на наш взгляд, наметилась смена тренда парадигмы безопасности в России – от «парадигмы защищенности» к «парадигме самоутверждения», для которой существенным моментом является ориентированность на развитие и определение конкретных опасностей (личности, обществу, государству, интересам, ценностям, образу жизни и т.д.), а также реализацию интересов [5, с. 180]. Главную и новую идею Стратегии национальной безопасности, которая придает ей фундаментальное мировоззренческое и концептуально-методологическое значение, можно определить как безопасность через устойчивое развитие, которая находит отражение уже с первых страниц документа (например, ст. 1, 2, 6, 24).

Согласно Стратегии, обеспечение национальной безопасности реализуется через стратегические национальные приоритеты, в числе которых – национальная безопасность, государственная и общественная безопасность, а также приоритеты устойчивого социально-экономического развития государства – повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, экология и рациональное природопользование» [6].

Для нас принципиально важным представляется выделение образования и науки в качестве самостоятельных направлений обеспечения национальной безопасности, которым посвящен специальный раздел «Наука, технологии и образование». Действительно, наука и образование рассматриваются многими мировыми державами в числе важнейших приоритетов цивилизационного развития и национальной стратегии безопасности. По состоянию науки и образования можно судить о материально-духовном и интеллектуальном развитии общества.

В первых российских законодательных актах можно было встретить лишь косвенные свидетельства о значимости образования и науки в обеспечении национальной безопасности государства. Так, в Концепции национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ № 24 от 10 января 2000 г., говорилось, что интересы личности состоят в реализации конституционных прав и свобод, в обеспечении личной безопасности, в повышении уровня и качества жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина. Исходя из этого, можно было лишь предполагать, что речь идет о поддержании тех социальных практик (в том числе образования и науки), которые обеспечивают духовное и интеллектуальное развитие личности и общества.

По мнению В.Н. Кузнецова, в XXI в. для России «источник обогащения содержания всех структур безопасности – наша культура и наш язык, интеллектуальный потенциал, образование, наука, традиции, российский менталитет, культура компромисса» [7, с. 27].

В связи с этим приведем несколько определений, имеющих, на наш взгляд, достаточно оригинальную и перспективную трактовку содержания феномена национальной безопасности. В определении В.П. Шалаева национальная безопасность по своей сути проявляется как сохранение базовых потенциалов человечества, всякого народа, общества, отдельного человека. К базовым потенциалам он относит: физическое здоровье, численность населения и процент его в среде трудоспособного населения (популяционные ресурсы); богатство территории проживания народов природными ресурсами (природные ресурсы); уровень и качество технической и технологической системы общества (технично-технологические ресурсы); уровень и каче-

ство образования и науки в обществе (научно-образовательные ресурсы); уровень, характер и качество нравственной системы ценностей, то есть культуры общества (нравственные, мировоззренческие ресурсы) [8, с. 147].

В определении национальной безопасности, предложенном В.Н. Кузнецовым, можно выделить как минимум два существенных момента. Во-первых, это утверждение о том, что «безопасность государства зависит от интеллектуального потенциала, умений и воли народа» [9, с. 147]. Во-вторых, это смещение акцентов от понятия интерес к понятию цель, идеал, ценность. Так, в качестве прагматической цели, социального идеала он предлагает рассматривать построение индустриально-информационного общества – общества, основанного на знаниях, – оно одновременно цель и средство достижения благополучия и безопасности [10, с. 32]. Многие исследователи сходятся во мнении, что общество знания приобретает черты нового «социального идеала», трактуется как «общегуманистическая ценность» или «новая цель развития человеческого общества», которая определяет региональную, национальную и международную направленность развития. Итак, при формировании новой концепции безопасности России в XXI в. большое и фундаментальное значение принадлежит такому обстоятельству, как формирование общества знаний с его инновационными требованиями.

В конце XX – начале XXI в. в современной западной и отечественной социально-философской мысли развернулась дискуссия о природе современного общества, в ходе которой появились теории, отражающие различные его грани. Среди них теория «общества знаний» («knowledge society»), предложенная американским социальным философом и социологом П. Дракером.

Знание является одним из смысловых узлов теории «общества знаний». Дракер в своих работах подчеркивает социопорождающую роль знания, способную создавать новое общество, которое изменит природу труда, высшего образования и способ функционирования всего общества как сложной взаимосвязанной машины [11]. Роль знания как основной движущей силы экономического и социального развития отмечается еще в трудах Д. Белла, автора теории «постиндустриального общества», который указывал на то, что грядущее общество будет построено на использовании знаний в качестве основного экономического ресурса и источника инноваций. Большинство отечественных и зарубежных ученых рассматривают знание как эффективный ресурс в развитии современного производства, социумов и мира. Так, в развитых странах на долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании, образовании кадров, организации производства приходится от 70–85 % прироста ВВП. Кроме этого, по мнению Б.Г. Клейнера, одна из функций знания заключается в консолидации и сохранении общества [12, с. 74], то есть оно может способствовать созданию безопасных условий для его существования и развития.

Науку и образование можно с полным правом отнести к «сектору генерации знаний». Неслучайно исследователи, обрисовывая контуры нового общественного устройства, обращают внимание на анализ процессов, происходящих в хозяйственной жизни, в информационной сфере, в структурах образования и науки и т.д.

Наука и образование – это две взаимосвязанные области интеллектуальной активности общества, состояние которых учитывается при оценке интеллектуального потенциала. Интеллектуальный потенциал является существенной характеристикой развития и преобразования общества, особенно в векторе движения к обществу знаний. В литературе встречаются разные оттенки значения понятия «интеллектуальный потенциал». Под интеллектуальным потенциалом мы понимаем «совокупность человеческих, материальных и финансовых ресурсов, которые задействованы в двух тесно связанных между собой ключевых областях духовной жизни общества – науке и образовании, и измеренная величина которых показывает созданную и накопленную в обществе способность к творческому созданию новых знаний, технологий и продуктов» [13, с. 27]. В связи с этим еще раз обратим внимание на позицию В.Н. Кузнецова, которую разделяет автор, а именно, на существование зависимости между безопасностью государства и интеллектуальным потенциалом.

В нашей стране существует огромный интеллектуальный ресурс, накопленный годами. По оценкам экспертов интеллектуальный потенциал России составляет около 400 млрд. долл., в ней проживает 12 % численности всех ученых – это третье место в мире. Однако, и это признается многими авторами, интеллектуальный потенциал не становится фактором социально-экономического роста, а следовательно, не создаются благоприятные условия безопасного развития общества. На долю России приходится менее 0,5 % рынка наукоемкой продукции, а доля в мировом экспорте инновационной продукции составляет 3–5 %, при этом импорт наукоемкой продукции составляет 46 %. Для сравнения: доля инновационной продукции в экспорте США составляет 43,1 %, Германии – 59,6 %, Финляндии – 63,5 %, Японии – 57,8%. В развитых странах доля инновационного фактора в приросте ВВП составляют от 40 до 85 %, в России – только 8–12 %.

Закономерности общественного развития показывают, что сферы науки, образования и национальной безопасности взаимосвязаны, взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга. Эти взаимоотношения имеют две плоскости, с одной стороны, влияние научно-образовательных ресурсов на обеспечение безопасности, с другой – собственная безопасность науки и образования. Исходя из этого, наука и образование выступают как фактор, ресурс, средство и объект национальной безопасности. Р.М. Юсупов, например, считает, что «научно-образовательный комплекс должен рассматриваться в качестве важнейшего объекта безопасности, под которым понимается отсутствие существенных угроз его сохранению и дальнейшему развитию со стороны отдельных лиц, общества и государства» [14, с. 249].

Итак, насколько сегодня научно-образовательный комплекс России способен определять будущее не только экономики, но и всех сфер жизнедеятельности общества, а также его безопасности и как обстоят дела с его собственной безопасностью.

В условиях перехода к обществу знаний развитие и состояние науки должно способствовать созданию эффективной национальной инновационной системы. Разработчики «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» будущее России связывают с созданием конкурентоспособной экономики знаний и высоких технологий. Определение «экономики знаний и высоких технологий» дается перечислением составляющих ее сфер деятельности и секторов хозяйств: «сферы профессионального образования, высокотехнологичной медицинской помощи, науки и опытно-конструкторских разработок, связи и телекоммуникаций, наукоемких подотраслей химии и машиностроения».

Современное состояние науки в России, к сожалению, оставляет желать лучшего. В научных статьях по данной проблеме, собственно как и в тексте «Концепции 2020», отмечены следующие тенденции: «постепенная утрата созданных в предыдущие годы заделов, старение кадров», «снижение уровня исследований», «слабая интеграция в мировую науку и мировой рынок инноваций», «отсутствие ориентаций на потребности экономики» и т.д.

На долю России приходится менее 2 % расходов на НИОКР по паритету покупательной способности и 1 % по обменному курсу. По этим показателям Россия отстает от США в 17 раз, от ЕС в 12 раз, от Китая в 6 раз, от Индии в 1, 5 раза. При этом примечательно, что за последние 10 лет Китай увеличил затраты на НИОКР в долларовом эквиваленте более чем в 8 раз, тогда как Россия – немногим более чем в 2 раза.

По данным Госкомстата России с 2006 по 2010 гг. наблюдалось некоторое увеличение затрат на науку и увеличение доли средств, выделяемых на науку из расходной части бюджета с 97 363,2 млн. руб. в 2006 г. до 237 656,6 млн. руб. в 2010 г. Однако, несмотря на это, финансирование науки из средств федерального бюджета относительно всех расходов федерального бюджета остается примерно на одинаковом уровне, так в 2006 г. финансирование науки к расходам федерального бюджета составляло 2, 27 %, в 2010 г. – 2, 35 %.

В систему показателей (индикаторов) оценки уровня экономической безопасности государства включен показатель «расходы на научные исследования в % к ВВП», пороговое значение которого составляет 2 %. При сравнении фактических значений анализируемого периода с пороговым значением, очевидным становится наличие проблемной ситуации с финансированием и состоянием науки. По данным Госкомстата России значение данного показателя чуть превышает 1 %, в то время как в США этот показатель составляет 2,77 %, в Германии – 2,64 %, в Израиле – 4,86 %.

Заметно отставание России и по показателю «количество патентов на 1 мил. жителей». Для нашей страны этот показатель составляет 1,3; для США – 261,7; для Финляндии – 250,3; для Японии – 213. Кроме этого, статистика свидетельствует о сокращении общей численности работников, занимающихся научными исследованиями в России за период с 2000 по 2010 гг. на 10 %. Таким образом, очевидно, что речь должна идти о создании благоприятных условий для развития науки, о стимулировании исследований и разработок.

Образование является главной опорой современного общества и связано со всеми сферами общественной жизни. Образование как социальный институт выполняет ряд функций, от успеха реализации которых зависит поддержание стабильности в обществе, укрепление его социально-экономических основ. Роль и значение образования состоит и в том, что оно является средой и механизмом сохранения, воспроизводства национальной (гражданской и этической) идентичности социума, составляющих его индивидов и групп. Сегодня нет необходимости доказывать взаимную связь высокопроизводительного труда, конкурентоспособности общества с развитой системой образования и воспитания. В индустриально развитых странах мира за счет нее получают до 40 % прироста ВВП.

В условиях перехода к обществу знания роль образования приобретает еще более важное методологическое значение. Дракер особо подчеркивал приоритет и доминанту образова-

ния в своих исследованиях. В обществе знаний, по его мнению, важнее всего «научиться учиться». Эта идея практически сразу была закреплена в документах ЮНЕСКО (например, Доклад «Учиться существовать: мир образования сегодня и завтра» (1972 г.), Доклад ЮНЕСКО «К обществам знания» («Towards knowledge societies 2005 г.») (2005 г.)).

О.Л. Кузнецовым сформулированы следующие позиции в вопросе о формулировании общества знания: доступность знания для всех членов общества, которая позволит выровнять стартовые возможности людей, живущих в разных уголках нашей планеты; важнейшим продуктом на мировом рынке становится интеллектуальный продукт и др. [15, с. 2]. В плоскости безопасности представленная позиция может быть трансформирована в тезис: «образование для всех, знание для всех, безопасность для всех».

Применяя теорию безопасности к анализу стратегических проблем управления развитием видов деятельности и используя инструментарий теории безопасности, Г.А. Минаев считает возможным рассматривать образование как особый вид безопасности (или подсистему безопасности общества), трактуя ее как образовательную безопасность или безопасность системы образования. Этот термин законодательно не разработан ни в одной стране мира. Само понятие безопасности образования не является одноплановым, оно включает в себя различные области жизнедеятельности и развития человека, общества и государства. Поэтому Минаев полагает, что характеризовать образовательную безопасность можно через способность (состояние) образовательного и воспитательного процессов, обеспечивать передачу знаний от нынешнего поколения к будущим; как возможность государства поддерживать научный потенциал страны и сохранять отечественные научные и образовательные школы, способные в свою очередь обеспечивать независимость страны на стратегически важных направлениях научно-технического прогресса, а также использовать для анализа безопасности образовательного учреждения и оценки качества образования [16, с. 116–118].

Уровень образовательной безопасности сложным образом отражает интеллектуальный потенциал и образованность общества, входящие в методику ООН как составная часть индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). С 2010 г. произошли значительные изменения в методике расчета индекса. Так, при расчете индекса «доступ к знаниям» теперь измеряется средняя продолжительность обучения (для лиц от 25 лет и старше) и ожидаемая продолжительность обучения в течение жизни (для детей, достигших официально установленного возраста поступления в школу). ИРЧП России в мире в истекшем десятилетии устойчиво числится в шестом-седьмом десятке. В 2011 г. он составил 0,755. Находясь на 66-м месте в списке из 187 стран, Россия входит в группу государств с высоким уровнем развития. В рейтинге по другим компонентам ИРЧП Россия занимает следующие позиции: ожидаемая продолжительность жизни – 120 место, средняя продолжительность обучения – 52, ожидаемая продолжительность обучения – 51, ВНД на душу населения – 53. Данные Доклада о человеческом развитии 2011 г. свидетельствуют о том, что Россия по-прежнему испытывает серьезный дисбаланс между основными компонентами человеческого развития. Россия относится к странам, в которых достижения в области национального дохода недостаточно трансформируются в достижения в области образования и особенно здоровья населения.

Достигнутый уровень образовательной безопасности может быть рассмотрен в системе предельно критических и фактических показателей национальной безопасности. Обратимся, в частности, к такому показателю как доля государственных расходов на образование в % к ВВП, пороговое значение которого составляет 10 %. Конечно, мы понимаем, что данный показатель не отражает всей сущности образовательной безопасности и ее влияния на всю систему видов безопасности общества. Но общество знаний требует для своего формирования соответствующих материально-финансовых ресурсов, а инвестиции в высшее образование способствуют формированию высококвалифицированных специалистов, высокой производительности труда и оказывают влияние на темпы экономического роста. Источники инвестиций в образование могут быть разными: государственными, негосударственными, региональными, индивидуальными и т.д. Но при этом роль государства особенно велика и значима.

Опыт таких стран, как США, Германия, Франция свидетельствует, что государство может вкладывать в образование не ниже 4,5–6,8 % от ВВП, а в Японии, Южной Кореи и Китае государство вкладывает в сферу образования 15–20 % ВВП. В США, которые являются в настоящее время бесспорным мировым лидером в области научно-технического прогресса, расходы на сферу образования находятся в пределах 7 % от ВВП, то есть приблизительно соответствуют уровню расходов на оборону. С точки зрения международных сопоставлений для России характерен низкий уровень финансирования образования, несмотря на то, что с 2000 г. удалось добиться опережающего по сравнению с общеэкономическими показателями роста расходов на данную сферу. Если в 2000 г. расходы бюджетной системы Российской Федерации на образова-

ние составляли 2,9 % от ВВП (это минимальное значение показателя за период 2000–2011 г.), то за десять лет они увеличились до 4 % (максимальное значение показателя было зафиксировано в 1997 г. – 4,8 % от ВВП).

Таким образом, на пути движения России к обществу знаний должна быть пересмотрена позиция современного государства по отношению к образованию. По мнению отечественных экспертов, России вполне по силам увеличить данный показатель до 5 %. Изменить данную ситуацию должны были, предложенные в 2005 г. Президентом РФ приоритетные национальные проекты, в частности, национальный проект «Образование». Во всех бюджетных документах сфера образования обозначалась как приоритетная для направления государственных расходов. Однако и данные шаги свидетельствовали лишь об относительном уровне финансирования. Кроме того, сам факт принятия национальных программ, затрагивающих вопросы социальной сферы и образования, является ярким подтверждением наличия узлов напряженности. Поэтому неслучайно среди мер оптимизации взаимодействия образовательного потенциала со структурами, обеспечивающими национальную безопасность, на первом месте стоит признание необходимости значительного усиления финансового и материально-технического обеспечения образовательных учреждений со стороны государства и местных органов власти [17, с. 93].

Не менее важным аспектом является также способность системы образования адекватно отвечать на запросы общества знания, то есть перед системой образования как в России, так и во всем мире стоит проблема радикальной перестройки его целей, содержания, форм, методов, средств и всей организации в соответствии с требованиями времени.

Многие исследователи отмечают, что весь мир, не исключая и Россию, сегодня находятся в стадии перехода к обществу знаний. Возможно, что готовой модели формирования такого общества не существует. Но главным направлением формирования нового общества должно стать развитие интеллектуального потенциала – науки и образования. Не учитывать этого нельзя, поскольку в XXI в. соперничество между развитыми странами в рамках мирового сообщества, будет идти в этом направлении. Однако отставание России в сфере научных знаний, интеллекта и образования от наиболее развитых стран мира становится стратегическим фактором, угрожающим ее экономической независимости и национальной безопасности.

Вместе с тем следует отметить, что в последние годы обозначились приоритетные направления политики Российской Федерации по развитию интеллектуального потенциала, совершенствованию образовательной системы, укреплению науки, инновационному развитию экономики.

Ссылки:

1. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2008.
2. Атаманов Г.А., Рогачев А.Ф. О необходимости новых подходов к исследованию феномена экономической безопасности // Научно-технические ведомости СПбГУ. Экономические науки. 2009. № 1 (71).
3. Павленко С.З. Безопасность российского государства как политическая проблема: дисс. ... док. полит. наук. М., 1998.
4. Шрага М.Х. Социальная безопасность в теории здоровья: монография. Архангельск, 2009.
5. Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности. М., 2006.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. 2009. 14 мая.
7. Кузнецов В.Н. Социология безопасности. М., 2009.
8. Шалаев В.П. Философские основы социальной работы. Йошкар-Ола, 2007.
9. Кузнецов В.Н. Социология безопасности. Указ. соч.
10. Кузнецов В.Н. О социологическом смысле идеологии консолидации геокультурный аспект // Безопасность Евразии. 2003. № 3. С. 7–47.
11. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
12. Клейнер Б.Г. Становление общества знаний в России: социально-экономические проблемы // Бизнес-образование. 2005. № 1.
13. Левашов В.К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 25–36.
14. Юсупов Р.М. Наука и национальная безопасность. СПб., 2006.
15. Кузнецов О.Л. Проблемы построения общества знания в современной России (мифы, рифы, перспективы) // Вестник Российской Академии естественных наук. 2005. № 3. С. 1–4.
16. Минаев Г.А. Образование и безопасность. М., 2009.
17. Камашев С.В. Безопасность образования России в условиях интеграции в европейское образовательное пространство // Философия образования. 2011. № 3 (36). С. 89–95.

References (transliterated):

1. Shtompka P. Sotsiologiya. Analiz sovremennoogo obshchestva. M., 2008.
2. Atamanov G.A., Rogachev A.F. O neobkhodimosti novykh podkhodov k issledovaniyu fenomena ekonomicheskoy bezopasnosti // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGU. Ekonomicheskie nauki. 2009. № 1 (71).
3. Pavlenko S.Z. Bezopasnost' rossiyskogo gosudarstva kak politicheskaya problema: diss. ... dok. polit. nauk. M., 1998.

4. Shraga M.KH. Sotsial'naya bezopasnost' v teorii zdorov'ya: monografiya. Arkhangel'sk, 2009.
5. Rybalkin N.N. Filosofiya bezopasnosti. M., 2006.
6. Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda // Rossiyskaya gazeta. 2009. May 14.
7. Kuznetsov V.N. Sotsiologiya bezopasnosti. M., 2009.
8. Shalaev V.P. Filosofskie osnovy sotsial'noy raboty. Yoshkar-Ola, 2007.
9. Kuznetsov V.N. Sotsiologiya bezopasnosti. Op. cit.
10. Kuznetsov V.N. O sotsiologicheskom smysle ideologii konsolidatsii geokul'turniy aspekt // Bezopasnost' Evrazii. 2003. № 3. P. 7–47.
11. Draker P. Postkapitalisticheskoe obshchestvo // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya / ed. by V.L. Inozemtsev. M., 1999.
12. Kleyner B.G. Stanovlenie obshchestva znaniy v Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie problemy // Biznes-obrazovanie. 2005. № 1.
13. Levashov V.K. Intellektual'niy potentsial obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie i prognozirovanie // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 12. P. 25–36.
14. Yusupov R.M. Nauka i natsional'naya bezopasnost'. SPb., 2006.
15. Kuznetsov O.L. Problemy postroeniya obshchestva znaniya v sovremennoy Rossii (mify, rify, perspektivy) // Vestnik Rossiyskoy Akademii estestvennykh nauk. 2005. № 3. P. 1–4.
16. Minaev G.A. Obrazovanie i bezopasnost'. M., 2009.
17. Kamashev S.V. Bezopasnost' obrazovaniya Rossii v usloviyakh integratsii v evropeyskoe obrazovatel'noe prostranstvo // Filosofiya obrazovaniya. 2011. № 3 (36). P. 89–95.